

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

**ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ**

Сетевое издание

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И., председатель совета, академик РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффа Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лакельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:

Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан);
Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2023

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 3 (62)
2023**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)

Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)

Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)

Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)

Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)

Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)

Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)

Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),

Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)

Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)

Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)

Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)

Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)

Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)

Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)

Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege

(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru

URL: <http://www.ipdn.ru>

Рашевский В.В.

Сургутский краеведческий музей, ул. 30 лет Победы, 21/2, Сургут, 628418
Тюменский государственный университет, ул. Володарского, 6, Тюмень, 625003
E-mail: vasilii_bfmv87@mail.ru

ДОСУГОВЫЕ ПРАКТИКИ ГЕОЛОГОРАЗВЕДЧИКОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ПО НАРРАТИВАМ ПЕРВОПРОХОДЦЕВ (1950–1960-е гг.)

На основе собранных нарративов характеризуется досуг геологоразведчиков в Тюменской области в 1950–1960-е гг. Геологи стали акторами регионального уровня, преобразуя существовавшие досуговые практики, создавая необходимую инфраструктуру, в том числе «в поле». Их инициативы расширяли вариативность досуга, выполнявшего компенсаторную функцию в условиях напряженного труда. Качество досуговых опытов определялось советским дискурсом, формировавшим представления о «степени культурности и инициативности», уровнем «интеллектуальности» и внутриведомственной аффилиации.

Ключевые слова: геологи, нефтеразведчики, досуг, социальные практики, антропология профессий, полевая работа, биографические нарративы.

Введение

Антропологический поворот, произошедший в исторической науке, позволил многие изученные вопросы рассматривать под другим ракурсом, переосмыслить ранее полученные выводы. Источники личного происхождения, воспоминания «скрытых акторов» — участников судьбоносных событий в истории страны, дали исследователям новые возможности для реконструкции исторического прошлого, более глубокого понимания социальных процессов. Формирование и становление крупнейшего Западно-Сибирского нефтегазового комплекса — важная страница истории нашего государства. При этом повседневность первопроходцев-геологов только начинает вызывать исследовательский интерес. Немалое место в жизни геологов занимали досуговые практики, помогавшие отвлечься от повседневного труда. Изучение досуга геологов-нефтеразведчиков позволяет рассмотреть приватную сторону промышленного освоения, выделить положительные и отрицательные стороны в борьбе за «большую нефть» в человеческом измерении.

Понятие досуга и досуговых практик по-разному трактуется научным сообществом и не имеет однозначного определения. Так, Г.П. Орлов понимает под досугом совокупность занятий человека в свободное время, с помощью которых удовлетворяются непосредственные физические, психические и духовные потребности, в основном восстанавливающего характера, обладающие специфическим социальным способом дальнейшего развития человеческих сил [1983, с. 46]. В работе Э.В. Соколова досуг рассматривается как особое время, когда возможен свободный выбор занятий, в которых отдых перемежается с физической и умственной активностью [1977, с. 180]. По Ж. Дюмазедье, досуг — удовлетворение потребности высокого плана: самовыражения, самоутверждения, социальной идентификации. М. Каплан находит, что досуг — это относительно самостоятельная деятельность, проявляющаяся в исполнении различных ролей в экономически свободном приятном времяпрепровождении, включающем в себя широкий спектр занятости и насыщенности, с возможностями для отдыха, личного совершенствования и оказания услуг другим людям. Дж. Брайтбилл видит в досуге время, используемое человеком только по собственному желанию. Б. Рассел определяет досуг как путь к достижению счастья и радости (цит. по: [Гаспарян, 2018, с. 192–193]). У. Москофф считает досугом «повседневную культурную жизнь», которую составляют различные виды деятельности человека [Moskoff, 1984, с. 83]. Понятие досуговых практик, на наш взгляд, удачно раскрыто Е.Э. Суровой и Н.В. Бутоновой: эти практики определены как деятельность индивида в сфере повседневного опыта, направленная на взаимодействие с социокультурной средой и служащая выявлению активных интенций, в том числе творческих [2014, с. 59].

В данной работе под досугом будет пониматься время, свободное от работы и прочих обязательств, наполненное деятельностью, обусловленной мотивами и потребностями индивида. Досуг определяют досуговые практики в сфере повседневного опыта и личностных мотиваций во взаимодействии с социокультурной средой бытования, способствующие реализации потреб-

ностей в рекреации, смене видов деятельности, самоидентификации, развитии интеллектуального и творческого потенциала. Любой досуг предполагает три основные социально-культурные функции: рекреацию, включающую в себя регенерацию (восстановление растроченных сил) и релаксацию (снятие психологического утомления); развлечение (разнообразные виды активных и пассивных занятий); развитие (совершенствование в личностном и культурном отношении). Эти функции составляют основу как индивидуального, так и коллективного досуга. Необходимо отметить, что каждый из видов досуговых практик мог выполнять не одну, а сразу несколько функций. Таким образом, мы можем проследить социально-культурные функции через основные виды профессиональных досуговых практик, выделенные из нарративов геологов.

Различные аспекты социальной сферы, в число которых входит досуг, были рассмотрены в работах исследователей по истории Западно-Сибирского нефтегазового комплекса [Гаврилова, 2002, 2009; Карпов, 2013а, 2013b, 2014; Карпов, Гаврилова, 2010, 2011, 2016; Колева, 2010; Комгорт, 2015, 2019; Ташлыкова, 2002, 2017; Жидченко, Рыженко, 2013; Стась, 2013, 2015а, 2015b]. Однако укажем на общую особенность этих работ. Историки рассматривали досуг преимущественно через создание материально-технической базы и деятельность культурных учреждений в 1960–1980-е гг. Более ранний хронологический период детально не изучался. Основным контингентом, попавшим в поле зрения исследователей, являлись преимущественно нефтяники. Геологам как отдельной профессиональной группе не уделялось должного внимания в трудах по нефтегазовой тематике, либо они упоминались эпизодически. В меньшей степени освещена тема человека, его места и роли в социокультурном пространстве.

Целью статьи является изучение досуговых практик геологоразведчиков до открытия первой промышленной нефти в Западной Сибири. Рассмотрены способы организации и виды досуговых практик геологоразведчиков; определены причины низовой инициативы геологов в рамках организации досуга; оценена степень влияния низовых культурных инициатив геологов на совершенствование социокультурной среды территории. Хронологические рамки статьи охватывают период с 1948 по 1960 г. Первая дата обусловлена началом планомерного нефтепоиска на территории Тюменской области, вторая — открытием Шаимского месторождения.

Активизация нефтепоисковых работ в Западной Сибири пришлась на послевоенный период. На обширных сибирских просторах, куда входила и территория Тюменской области, осуществляли работу два крупных геологических треста. До 1959 г. вся область была поделена между геологами на две части по 72-му меридиану. К западу от нее работали тюменские геологи, а с востока — новосибирские. В 1953 г. после создания треста «Тюменьнефтегеология» они были сведены в территориальную организацию в состав которой вошли первичные профорганизации Тюменской, Покровской, Ханты-Мансийской, Кузнецовской, Березовской, Заводоуковской, Южно-Челябинской, Уватской буровых партий и пр. [70 лет тюменской геологии..., 2018, с. 272]. В районах, тяготеющих к Среднему Приобью, работали геологические организации новосибирского треста «Запсибнефтегеология».

Реконструктивные возможности исследования расширены благодаря использованию источников личного происхождения. Основу источниковой базы составили материалы полевых исследований (биографические интервью участников геологического освоения региона 1950–1960-х гг.), собранные автором в 2009–2021 гг., а также опубликованные в периодической печати нарративы, обладающие большим эвристическим потенциалом. Привлечение не публиковавшегося ранее комплекса источников «от первого лица» способствует более глубокому анализу изучаемой проблемы и помогает раскрыть новые аспекты истории геологического освоения региона.

Применение микроисторического подхода, инструментария устной истории и общеисторических методов помогло выявить ключевые характеристики повседневных досуговых практик геологов, представить комплексную многофакторную картину процессов изучаемого периода.

Геологи «донецкого» периода

В большую «геологическую семью» входили представители многих профессий, выполнявших различный функционал в многообразии пространств Севера. Разноплановые задачи были объединены общей целью — открытием месторождений. Наиболее сложные условия работы выпадали на долю полевых отрядов геофизиков, топографов, геологов. Работники могли на протяжении нескольких месяцев находиться на маршруте, с редкими возможностями выхода в стационарные населенные пункты. Преимущественно это был лишь организованный «вывоз» на территорию базы, где аккумулировался основной арсенал материально-технических средств, в том числе для организации досуга. Наиболее «привилегированными» были специалисты, находившиеся на месте проведения работ: буровые бригады, технический, кадровый персонал при

базах нефтеразведок. Для буровых бригад, осуществлявших глубокое бурение скважин, организовывалось временное пребывание на месте работ с основными объектами жизнеобеспечения. Остальные располагались преимущественно в местах нахождения баз, сформированных при населенных пунктах, где имелась необходимая инфраструктура с социально-значимыми объектами.

Геологоразведчики были в числе передовиков «освоителей» новых земель, которые помимо решения основных научных задач были призваны способствовать достижению геополитических целей, обозначавших претензии государства на конкретную местность [Болотова, 2006, с. 71]. На территории Сибири, где проводились изыскательные работы, геологи, в силу наличия образования и личностных установок, представлялись трансляторами новшеств, привносимых с «большой земли», включая основные принципы, составлявшие концепт культурности, активно делегировавшийся в стране с 1930-х гг. Советский культурный проект предусматривал не тотальную трансформацию какой-то одной составляющей человеческого бытия, а реорганизацию *conditiohumana* и создание *conditiohumana sovetica* [Плаггенборг, 2000, с. 322]. Однако «культурность» не была четко сформулированным понятием. Преобразование ряда внешних и внутренних качеств человека происходило как за счет воздействия извне, так и за счет работы над собой. Эти качества выводили модель «культурного человека», соотносившуюся с внешне цивилизованным и внутренне преданным ценностям социальной системы человеком [Волков, 1996, с. 6].

Как отмечает Ш. Фицпатрик, «культуру требовалось осваивать точно так же, как целинные земли или иностранные технологии. Культура — нечто исключительно ценное и внеклассовое. Это комплекс привычек поведения, отношения к окружающему миру и знаний...» [2008, с. 99]. Понятие «культура» было опорным в советской идеологии, а «культурность» оставалась полуофициальным понятием, относясь к повседневной жизни, в которой основное место отводилось работе и досугу. Трудовые показатели и бытовое поведение работников связывались посредством культурности. Культурность отождествлялась с достоинством работника, с личным достижением, источником гордости и уважения. Она интегрировалась в систему труда как один из источников его эффективности [Волков, 1996, с. 3, 9]. В Западной Сибири, имевшей слаборазвитую сеть социально-досуговых учреждений, возможности централизованной культурной экспансии были ограничены. В условиях начального периода «нового промышленного освоения» геологи выступали не только потребителями, но и акторами, творчески преобразующими культурно-досуговые практики в ходе процесса ретрансляции интенций центра.

В условиях приоритета проблем индустриального освоения все социальные аспекты отходили на второй план. Геологи донефтяного периода были представителями поколения, выросшего на примере фронтовиков Великой Отечественной. Для большинства из них бытовые условия, как и вариативность досуга, были второстепенными. Они продолжали воспринимать работу в терминологии трудового фронта. Это видно в нарративах работников геологии. В.А. Гершаник вспоминал: «Мы были избалованы, ни с кого не спрашивали ни обеспечения, ни квартир, ни развлечений. Везде устраивались сами. Конечно, для того, что мы называем нормальной жизнью, не хватало очень и очень многого». Ему вторит В.Н. Багаев: «Когда проводились первые сейсморазведочные работы, тогда еще и техники-то никакой не было, и условия тяжелые, еле-еле с планом справлялись. Когда люди попадали в наши условия, то у них ничего другого нет, кроме работы, и они только поспят и опять работают, работают, работают. Свободное время здесь — зачем оно нужно? На юге совсем другое дело, есть чем заняться после работы. Мы же много лет жили одной работой» (цит. по: [Грошева, 1993а, с. 39–40]).

Отсутствие развитой сети централизованных социально-досуговых учреждений компенсировалось напряженной работой, которая воспринималась как дань военному подвигу советского народа через трудовые свершения. «Средств не было ни материальных, ни технических, ни людских. Мы работали двумя партиями, когда денег давали на одну, штат одной партии делили на две», — вспоминал А.В. Кузнецов. «В основном шли на энтузиазме, но мы уже научились работать в тех условиях и база создана была», — говорила О.В. Шкутова (цит. по: [Грошева, 1992а, с. 55]). Подобное видим и в нарративе фронтовика-геолога А.П. Панова: «Здесь, на Севере, набирала обороты борьба за сибирскую нефть. Трудиться нужно было на совесть, на благо Родины. Народ был закален войной, не боялся испытаний, многих не пугали трудности климата, невзгоды, сложности работы и быта, потому многие и ехали» [ПМА, Панов А.П.].

Разновидности досуговых практик

Формировали и организовывали досуговые практики профсоюзные организации, которые существовали в отдельных геологических партиях сразу после возобновления геологоразведочных работ в 1948 г. В стационарных местах базирования не только аккумулировался основ-

ной арсенал материально-технических средств, обеспечивающий выполнение производственных задач, но и создавались объекты социально-бытовой сферы, формировались «очаги культурности». Организованные практики не отличались особой вариативностью. Многие начинания сводились к простейшей организации видов отдыха, которые не требовали больших материальных и финансовых затрат. «На базе помимо производственных моментов был и быт, и досуг. Там и пекарня, и баня были, передвижные установки не повсеместно были, но приглашались, из Сургута приезжали» [ПМА, Шиян Б.И.]. В этих условиях задачей являлось обеспечение «базовой культурности», точнее, существования основных элементов советской культурно-досуговой инфраструктуры: «В красных уголках у нас организовывались мероприятия, встречи, лекции читали, обсуждали важные вопросы. В целом традиционно, как везде было» [ПМА, Иванов В.Н.]. По мере продвижения на Север и соответственно отдаления от «очагов советскости» формировать инфраструктуру ставилось все сложнее. К примеру, в Малиновской нефтеразведке (Кемеровская область. — *Авт.*) по состоянию на 1958 г. работал клуб, демонстрировались кинофильмы, имелись радиоприемники, бильярд. Наряду с этим исполнение сметы профбюджета на культурно-массовую работу и приобретение культуринвентаря составляло всего 50 %. При плане 6000 руб. исполнение составило 3002 руб. На участке Р-2 не было кино, радиоприемника, не всегда хорошо работал красный уголок [ГАНУ. Ф. Р-1470, оп. 1, д. 793, л. 128].

Нефтеразведчики, базировавшиеся непосредственно при населенных пунктах, использовали сложившуюся сеть социально-досуговых центров для своих потребностей, что компенсировало «недостатки» в геологических организациях. «Мы часто ходили в клуб рыбокомбината. Там кино было, постоянные стационарные установки. Танцы в клубе были. Всё от рыбзавода и билеты продавали. Мы к нему никакого отношения не имели» [ПМА, Тепляков Е.А.]. «В кино ходили на разные фильмы, старались. И по воскресным дням ходили в кино, и в будни ходили. Проблем с билетами не было, по несколько сеансов было. Кто посвободнее, идет в другое время, а мы вот после работы. Закупали билеты и шли. Билеты дешевые, самый дорогой мог стоить 35 или 45 копеек» [ПМА, Гильманова Э.М.].

Включенность в существующую инфраструктуру «очагов культурности» Севера помогала сгладить остроту проблемы. «В Локосово (Сургутский район. — *Авт.*) небольшой кинотеатр был, танцы, концерты» [ПМА, Волков И.Ф.]. «Мероприятия проводили все вместе, концерты, хор был маленький такой небольшой. Нами руководила зав. клубом. Клуб местный нормальный был, кино смотрели. Из Сургута все привозили, репертуар не застаивался. Фильм крутили дня два. Были и военные, и молодежные картины» [ПМА, Волкова К.В.].

Также работники культурной сферы оказывали содействие геологоразведчикам, что позволяло компенсировать «досуговой голод». «Когда мы дошли до Казымской культбазы, у нас кончилась взрывчатка. Директор культбазы разрешил оставить ребят на выходные. Там — школа, больница, магазин, клуб, а народу-то нет, скучно. Мои парни только на воздух эту культбазу не подняли. Пили, пели, плясали, кино им по несколько раз в день крутили» (цит. по: [Грошева, 1993b, с. 42]).

Нефтеразведчики при организации своего досуга физически ощущали «оторванность» от культурных центров. Одной из стратегий преодоления «недостатков» становилось добровольное «подключение» к существующей сети «культурных очагов» населенных пунктов, близких к местам дислокации геологоразведочных партий, что нивелировало «недостатки», порожденные расстояниями, и скудность инфраструктуры Севера, но было сопряжено с необходимостью взаимодействия с местным населением и партийно-советским начальством.

Геологи как культуртрегеры

Коллективы геологов, постоянно перемещавшиеся на значительных пространствах, вынуждены были вторично обживать в советской модерности, но, что еще более важно, в соответствии с пионерными дискурсами модерна воспринимались местными как носители цивилизационных ценностей и благ индустриальной эпохи [Hoffmann, 2003; Рейд, 2018, с. 362–368]. Работая в удаленных уголках страны, они видели в своей деятельности в том числе культурно-модернизационную миссию, основанную на просветительских истоках социалистического строительства. Б.Н. Шиян подтверждает данный тезис: «Геологическая партия, попадая в удаленные уголки, она представляла во многом советскую власть. Не юридическую, но... Местное население обращалось за разной помощью, не только материальной, но и организационной. Все зависело от руководителей. Они выстраивали свою долгосрочную политику социальную. Если у тебя под носом есть возможности, ты поневоле будешь переключаться на это, чтобы реализовать себя в спорте, отдыхе. А если нет, то, естественно, минимум, который всем надоел. Многие наши новинки, в том числе и построенные объекты, улучшили жизнь и местному населению» [ПМА, Шиян Б.И.].

Досуговые практики геологоразведчиков Западной Сибири по нарративам первопроходцев...

Силами нефтеразведчиков создавались новые объекты социально-досуговой направленности, иногда временного характера. Вместе с этим происходила интеграция усилий геологического и местного сообщества, направленных на улучшение качества и повышение вариативности досуговой деятельности. «Свой клуб уже в 1959 г. срубили. Он долго не отштукатурен стоял, но внутри уже помещение было. Расположили его недалеко от конторы. Кино там не было, но все праздники мы справляли там, в своем клубе плясали. У нас там сценка была, кресла были, спинки из фанеры сделаны. Уже нормально себя чувствовали, что мы уже почти коренные жители. Позже помогали строить двухэтажный Дом культуры. Там уже цивильно было, и библиотека была, и кружки разные. Мероприятия поселковые в нем проводились, и мы иногда торжественные вечера там проводили» [ПМА, Тепляков Е.А.].

Разноплановые кружки самодеятельности, бравшие начало в геологической среде, способствовали активизации досуга. Подготовленные коллективами номера впоследствии становились частью программы на поселковых и районных праздниках, что разнообразило и улучшало культурную жизнь в северных поселениях. «Сами все делали силами самодеятельности, потом летали к каждому празднику в ближайшие селения и концерты давали» [ПМА, Волкова К.В.].

Е.А. Тепляков вспоминает: «Хор у нас был, и плясали у нас женщины. Перед праздниками перед собравшимися хорошие сольные номера были, девушки пели по отдельности целый хор экспедиционный, в самодеятельности поселковой участвовали» [ПМА, Тепляков Е.А.]. «Самодеятельности очень много было, особенно летом. Хор был, бабёнки все собирались, ездили. А особенно зимой, когда жены остаются одни, они сплотятся и в клубе выступают» [ПМА, Задоев А.Н.]. Разыгрывались и небольшие миниатюры постановочного характера, устраивались танцы, ставились концертные номера самые разные. Читали стихи, играли на инструментах [ПМА, Шиян Б.И.]. Так, коллектив художественной самодеятельности Малиновской нефтеразведки устраивал концерты в своем красном уголке, выезжал в Завьяловскую разведку, а на районном смотре художественной самодеятельности занял 1-е место [ГАНУ. Ф. Р-1470, оп. 1, д. 793, л. 128]. В нефтеразведках новосибирского треста только на 1955 г. было создано 15 кружков с охватом 214 чел. Из них 6 драматических кружков (77 чел.), 3 хоровых (52 чел.), в 6 других охвачено 85 чел. [Там же, д. 568, л. 43].

Как видим, в стационарных условиях досуг геологов был относительно разнообразным. Основанные на просветительских концептах русской интеллигенции XIX в. советские представления о «культурности» нашли соответствующее отражение в представлениях геологоразведчиков о степени просвещенности мест работы и проживания, а также собственного отдыха: «Сургут тогда был интеллигентным. Очень богатый был книжный магазин. Мы вздыхали, мы в палатке были, там некуда книги убрать было. А какую только подписку можно было сделать. И был еще Дом культуры, там была очень хорошая библиотека. В свободное время пряла, и вязала, что мне это очень нравилось» [ПМА, Гильманова Э.М.]. «У меня библиотека всегда была хорошая домашняя, я читал много, разную литературу, и газеты, конечно же. Радиола была, радиоприемник слушали» [ПМА, Гомберг А.И.]. «Многие занимались фотографией. Я коллекцию минералов собирал. Хобби было разное» [ПМА, Задоев А.Н.]. «Увлекались фото-киносьемкой. Тогда еще не было видеокамер, естественно. Приходилось очень много снимать. Съёмка, обработка, монтаж, вот такое увлечение, времени даже не хватало. Кропотливая работа» [ПМА, Шиян Б.И.].

Включение геологов в существующую социальную среду превращало их в акторов среды местного уровня. Деятельность нового «корпоративного» сообщества вела к развитию местной социокультурной среды с учетом его потребностей и интересов, что отражалось в росте формальных показателей советских форм культурного досуга.

Досуговые практики в геологической среде

«В поле», на местах непосредственного проведения работ, организация досуговых практик вызвала определенные трудности. В отдалении от мест дислокации геологов вариативность досуга была минимальной. «В поле досуга практически не было, там работали от зари до зари. С утра, с 8, до 21–22 часов вечера, без перерыва. У нас никак у буровиков график, это было бы шикарно. За день весь изможденный. Возьмем косачей, самая тяжелая работа. По снегу, 10–12 часов, пешком, не на лыжах, они устанавливают приборы. После пришел, поел и сразу спать. Потому что утром вставать надо. В поле широкого досуга не было, после поля пожалуйста» [ПМА, Задоев А.Н.]. В статье В.П. Ключевой находим подтверждение слов нашего информанта. «Досуга как такового и не было. Какое свободное? Работать надо!» Хотя, конечно, свободное время было, каждый проводил его по-разному: «Кто книги читал, приемник слушали...» (цит. по: [Ключева, 2023, с. 139]).

Преимущественно по окончании рабочего дня частью полевого досуга являлись посиделки у костра, чтение книг, беседы на актуальные темы и пение песен. «Когда на маршруте находишься, порой не всегда удается выйти в населенный пункт, ночуешь прямо в лесу. Организуется привал, палатка, спальное место. И всегда костер разводится. Это и зверя отпугнет, и тепло даст, и, главное, вкусную пищу можно приготовить. А за костром и разговор идет, начиная от минувших дней до рассуждений о будущем. При дополнительном освещении мы и журнал заполняли, и книгу могли почитать» [ПМА, Гомберг А.И.]. Э.П. Резникова вспоминала: «Сидели на берегу, жгли костры, пели, плясали» (цит. по: [Грошева, 1992b, с. 54]). К.Ф. Копелева: «Многие ребята пели, получался замечательный мужской хор» (цит. по: [Грошева, 1993а, с. 39]). «Пели и современные песни, и романсы, классику», — добавляет И.П. Шмелева (цит. по: [Грошева, 1992а, с. 59]).

У геологов были сильны спортивные традиции. Частым видом отдыха являлись подвижные соревновательные игры, проводили которые в основном в выходные. Особо популярны были футбол, хоккей, городки. Между подразделениями и внутри партий проводились целые соревнования [70 лет тюменской геологии..., 2018, с. 253].

По воспоминаниям геологоразведчиков, были распространены командные игры. Зачастую «в поле» среди нефтеразведчиков устраивались поединки по волейболу, футболу, реже — городкам. В летний период 1958 г. в Малиновской нефтеразведке действовали волейбольная и футбольная команды. Футбольная команда провела четыре встречи со сборной команды района Большие-Уки, выиграв у нее со счетом 9:2, встречу с командой Омской области из Знаменки. Встречи по волейболу проходили между буровыми Р-1 и сборной базы, между буровыми Р-1 и Р-2 и сборной базой, встречались с командой Завьяловской нефтеразведки. Также работали шахматный и стрелковый кружки, проводились соревнования по стрельбе [ГАНУ. Ф. Р- 1470, оп. 1, д. 793, л. 128].

В зимнее время, на расчищенной от снега площадке естественного водоема, устраивались игры в хоккей. Инвентарем служили изготовленные из дерева или подходящие по форме для клюшки палки и кусок резиновой прокладки, заменявший геологам шайбу. Также в почете у геологов были лыжные прогулки, которые дополнялись возможностью охоты на лесного зверя. «Лыжный спорт практиковался во многих партиях, лыж много было. Поэтому лыжи были видом соревнования и видом отдыха, досуга» [ПМА, Шиян Б.И.]. Для поддержания спортивной формы при буровых изготавливали обычный турник и даже мастерили гантели из отработанного оборудования. Работники нефтеразведочной экспедиции использовали списанные клапаны дизельного двигателя буровой, «сваривали их между собой и получали гантели весом 5 кг. Это позволяло заниматься силовыми упражнениями, дополняя общедоступный турник, который мог быть изготовлен из подручных материалов в любом месте» [ПМА, Федотов В.А.].

В стационарных местах проживания геологов перечень спортивных мероприятий, проводившихся на построенных ими площадках, мог быть шире. «Затеяли мы спортклуб. Такого гимнастического зала, ни спортзала этого у нас не было, всё организовывалось на улице. Вот волейбол, баскетбол, футбол. Начали строить крытый зал, чтоб зимой можно заниматься. Лыж у нас в экспедиции полно, все желающие бегать могли на них. Стали мы на соревнованиях городских выступать по некоторым видам. С командами рыбозавода, пищекомбината, лесозаготовителей, соцработников тягались» [ПМА, Тепляков Е.А.]. «В свободное от работы время занимались легкой атлетикой. В шахматы играли. Летом в Сургуте светло, ночные баталии до 3–4 часов ночи играли в баскетбол. У меня на домике мы смастерили баскетбольный щит и там резались вовсю. Вообще приезжало столько народу смотреть, как, что мы там играем. Мы парни все молодые, энергичные, а что делать. Потом увлекались бадминтоном. После полевого сезона встречались партия на партию, пару на пару, один на один. И вообще, страшная штука. Кстати, Биншток, руководитель наш, все время поощрял, на счет спорта он был энергичный мужик. Сам и в волейбол играл, шахматист был вообще превосходный» [ПМА, Задоев А.Н.].

Руководство нефтеразведок и экспедиций стимулировало развитие спортивных досуговых практик в среде работников геологии, что выходило за рамки поставленных профсоюзными органами задач. Спортивно-массовая работа в условиях геологического поиска включала многочисленные нерегламентированные мероприятия и возведение дополнительной внеплановой инфраструктуры в местах временной и постоянной дислокации геологов. Это способствовало поддержанию здорового образа жизни и укреплению здоровья геологов, которым приходилось работать в сложнейших условиях Севера.

Богатство сибирского края предполагало увлечение охотой, рыбалкой, сбором таежных дикоросов. В летний период практиковался отдых на природе. Стоит отметить, что геологоразведчики выезжали отдыхать на природу не только индивидуально, самостоятельно, но и организованными группами. «У меня был начальник перфораторного отряда. Мне говорил: “Ты меня сейчас

заставляй круглосуточно работать, я буду в выходные, но в сентябре, в конце, ты мне дай отпуск". Он рыбак был капитальный» [ПМА, Тепляков Е.А.]. «Я зайцев ловил с ружьем. На лыжах на косачей, глухарей гоняли. У нас в Локосово возле леса глухари садились, а на крыши дома косачи. На буровую тоже, если не работала, глухари садились. В тайге в то время дичи много было. Вахту отстоял, ружье в зубы и пошел, или обласок на рыбалку, кто чем занимался» [ПМА, Волков И.Ф.].

«Почти все, кто в экспедиции работал, за исключением немногих, увлекались грибами, брусникой, клюквой поменьше, потому что надо было далеко и за болото ходить. Любители были шишек. У нас вот в локосовском участке, прямо в деревне, почти в упор, в огороды входил кедровый бор. Шишками все лакомились. Что-то даже продавали. Выезды были коллективные тоже за ягодами и грибами. Места были за 50 км, и надо было обязательно. Давали машину, две машины, ездили, на всех хватало, собирали» [ПМА, Тепляков Е.А.]. «ГП-49 (геофизическая партия.— *Авт.*) выезжала на остров на двух лодках. Располагались на другом берегу Оби, варили уху, отдыхали, купались, веселились как могли» [ПМА, Гильманова Э.М.].

Большую роль играл рабочий график и способность геологов адаптировать его к своим потребностям. «Ребята у меня в партии многие увлекались охотой, рыбалкой. У нас заканчивается полевой сезон, открывается охота на утку. Рыбачили. Но это сезонное, не каждодневное» [ПМА, Гомберг А.И.]. Охота и рыбалка были сопряжены с ограничениями со стороны природоохранных органов. «Периодически было запрещено охотиться. Там, конечно, олени были, выдры бегали. Зимой и рыбалки особо не было. Это уже весной, особенно перед тем, как лед пойдет. Руками можно было ловить рыбу. Она задыхалась, и вот эти оттаяны, она наверх прыгает и начинаешь хватать. Сам пробовал, просто удивился, как получалось» [ПМА, Задоев А.Н.]. Возможность охоты и рыбалки также определяли реалии режима труда и отдыха «в поле», включавшего минуты вынужденного «простоя». «Охотились, когда время было, когда ждешь обратную вывозку, вертолет или там самолет. Это было очень доброе развлечение, на глухарей, тетеревов» [ПМА, Шиян Б.И.].

В условиях советской экономики занятия охотой и рыбалкой несли в себе дополнительную функцию — обеспечение дефицитными ресурсами вследствие плохого снабжения и слабой связности разрозненных полевых партий с базой нефтеразведчиков. «Мы на вахте (буровая бригада. — *Авт.*) были, продукты рассчитали, чтоб до конца своей смены хватило. С пересменкой продукты свежие завозили. А тут непогода началась, заметало напрочь. Нам сообщили по связи, что заберут, как погода будет. Мы-то уже все подъели почти, а поблизости даже деревень нет. Начали кто охотиться, кто рыбу ловить. Кое-как продержались. А как приехала смена, нас повараха первым делом яичницей накормила, она такой вкусной мне показалась, запомнил навсегда» [ПМА, Пискулин В.А.].

Подобный вид практик включал в себя несколько мотивов реализации как для самостоятельного, так и для коллективного досуга. Во-первых, возможность рекреации и релаксации на фоне природы. Во-вторых, способ компенсации «недостатков снабжения» в условиях советской экономики дефицита для личного потребления. В-третьих, возможность получить дополнительный материальный доход от добычи и собранных дикоросов. Досуговые практики в местах проведения работ были весьма малочисленны. Причинами выступали слабая развитость инфраструктуры на местах, отсутствие дополнительных средств, напряженный труд геологов. Многие начинания нефтеразведчиков ограничились простейшими видами досуга и были непродолжительными в силу рабочего графика.

Досуг — дело интеллектуальное

В советском дискурсе личностные мотивации при организации и проведении досуга были связаны со «зрелостью» человека, стремлением к самореализации, образовательным и «культурным уровнем», что оказывало влияние на формирование потребностей и ценностно-смысловых ориентиров в той классовой среде, где закладывались основы личности. С этой точки зрения представители геологического сообщества, выросшие в крупных городских центрах, особенно получившие высшее образование, были сильнее мотивированы к организации самостоятельного досуга «более высокого уровня», чем представители из провинции.

Наиболее эрудированные специалисты, имевшие организаторские способности, старались улучшить свой и коллективный досуг, привнося новшества в обыденное. В геологической среде были распространены интеллектуальные игры, в которых участвовало большинство сотрудников, организовывались разнообразные просветительские лекции на темы, интересные для работников. Подчеркивался передовой характер преподносимой информации и ее связь с центрами культуры. «Репертуар никогда не отставал от центров. Геофизики — это интеллектуально передовая часть. Сюда приезжали специалисты с Москвы, Ленинграда, Киева, Львова. И они все то, что в студенческой среде почерпнули, они все это выливали здесь на своих коллег. Поэтому они так

наивно не выглядят. Все современное искусство, в этом плане, которое было на большой земле, оно процветало здесь, в Западной Сибири. Даже в преферанс поигрывали, но без денежной составляющей» [ПМА, Шиян Б.И.]. «Был у нас специалист, очень эрудированный, разносторонний парень. Он увлекался темой космоса, находил информацию, читал, старался больше узнать. Так он нам такие интересные вещи знал, что мы по вечерам собирались к нему как на лекцию, и он нам рассказывал. А когда Гагарин в космос полетел, это вообще событие было» [ПМА, Задоев А.Н.].

Формирование низовых инициатив в среде сообщества геологов было ориентировано не только на удовлетворение базовых потребностей, обеспечивающих механическое покрытие свободного времени работников. Самоорганизация и низовые инициативы были порождены представлениями о необходимости «саморазвития и самореализации» в условиях отдаленности от культурных центров страны, в целях преодоления этого «разрыва».

Заключение

Досуговые практики геологоразведчиков имели ряд специфических особенностей, которые были характерны для начального этапа «нового промышленного освоения» территории Западной Сибири. В первую очередь, социальная политика на местах работ проводилась при активном участии и финансовой поддержке профсоюзных организаций геологоразведчиков. Эта деятельность включала создание сети культурно-просветительских учреждений. В то же время данная работа велась по остаточному принципу финансирования и по расходам средств уступала задачам производственного характера. Последнее обстоятельство предоставляло геологам определенную свободу маневра в организации собственного досуга, особенно «в поле», а также позволяло встраиваться в существующую сеть социально-досуговых учреждений населенных пунктов, близких к местам дислокации. Во-вторых, геологи, многие из которых являлись выходцами из крупных городских центров, видели одной из своих задач культурное просвещение и распространение «цивилизованных благ» на отдаленных территориях, создание «очагов культуры» для местного населения. Став акторами культурного развития регионального уровня, геологоразведчики не только ретранслировали культурные образцы, полученные «из Москвы», но творчески преобразовывали их. В-третьих, стационарные места базирования геологов позволяли расширять вариативность классических советских досуговых практик в условиях существующей инфраструктуры, в то время как «в поле» происходила их трансформация благодаря самостоятельному возведению не предусмотренной планом инфраструктуры и низкому уровню регламентации проводившихся мероприятий.

Среди объективных факторов, определявших возможности и содержание отдыха геологоразведчиков, необходимо выделить сезонность и интенсивность производственных процессов, а также наличие материально-технических средств. Для информантов качество досуга в не меньшей степени определялось советским дискурсом о «степени культуры и инициативности» организаторов мероприятий из числа коллег, уровнем «интеллектуальности» мероприятия, а также внутриведомственной аффилиацией членов геологических партий. При обживании в позднесоветской модерности, на основе стабильного централизованного финансирования, отдельные внутрипрофессиональные группы (геологи, геофизики, геодезисты и др. — *Авт.*) получали возможность выбора ее содержания (например, типов получаемого инвентаря для «профильных» видов спорта), обеспечивая вариативность наполнения нерабочего времени для «своих». Отметим, что наше исследование подтверждает невозможность четкого разделения сфер досуга и производственной повседневности, ввиду наличия советской «второй экономики», а также разграничения широкого спектра практик отдыха, поскольку все они обеспечивали разную степень рекреации и релаксации индивидов [Oberländer, 2017, p. 572–573]. Относительно объективными критериями в этой ситуации остаются целеполагание и степень вовлеченности того или иного человека в использование объектов инфраструктуры для удовлетворения своих потребностей в свободное время.

Полевые материалы автора:

- Интервью с Волковым И.Ф. Сургут, 2012.
- Интервью с Волковой К.В. Сургут, 2012.
- Интервью с Гильмановой Э.М. Сургут, 2013.
- Интервью с Гомбергом А.И. Тюмень, 2012.
- Интервью с Задоев А.Н. Ханты-Мансийск, 2012.
- Интервью с Ивановым В.Н. Сургут, 2012.
- Интервью с Пановым А.П. Сургут, 2010.
- Интервью с Пискулиным В.А. Сургут, 2009.
- Интервью с Тепляковым Е.А. Тюмень, 2012.

Досуговые практики геологоразведчиков Западной Сибири по нарративам первопроходцев...

Интервью с Федотовым В.А. Сургут, 2021.

Интервью с Шияном Б.И. Ханты-Мансийск, 2012.

Финансирование. Результаты исследования были получены в рамках работ по гранту РФФИ и Тюменской области, проект № 20-49-720017 «Открытие “Большой нефти” в нарративах и исторической памяти тюменских геологов: дискурсивные практики и коммеморативные паттерны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

70 лет тюменской геологии: Служа Отечеству: В 2 т. / Под общ. ред. А.М. Брехунцова и В.Н. Битюкова. Тюмень: Сиб. науч.-аналит. центр, 2018. Т. 1. 384 с.

Болотова А.А. Государство, геологи и колонизация природы в СССР // Неприкосновенный запас: Дебаты о культуре и политике. 2006. № 2 (46). С. 68–84.

Волков В.В. Концепция культурности, 1935–1938 годы: Советская цивилизация и повседневность сталинского времени [Электронный ресурс] // Социологический журнал. 1996. № 1–2. URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/issue/view/12> (дата обращения: 10.01.2023).

Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964–1985 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. 282 с.

Гаврилова Н.Ю., Лутошкина М.Г. Социокультурное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири в 1960–1980-е гг. // Тюменская область: Опыт экономического и социального развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посвященной 65-летию Тюменской области. Тюмень, 2009. С. 228–235.

Гаспарян В.Г. «Общество досуга» в работах Ж. Дюмазедье, М. Каплана, К. Робертса // Научный альманах. 2018. № 11–3 (49). С. 191–194.

Жидченко А.В., Рыженко В.Г. История повседневной жизни омского городка Нефтяников в 1950–60-е гг. Омск: Амфора, 2013. 444 с.

Карпов В.П. Досуговая повседневность тюменских нефтяников в 1960–1980-е годы // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв.: Материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2013а. Ч. 1. С. 222–230.

Карпов В.П. Проблемы организации досуга населения в районах Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. 1960–1980-е гг. // Вестник Сургут. гос. пед. ун-та. 2013б. № 4 (25). С. 234–239.

Карпов В.П. Анатомия подвига: Человек в советской модели индустриализации Тюменского Севера. Тюмень: ТюмГНГУ, 2014. 184 с.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. От макро- к микроистории: Смещение приоритетов в изучении процесса индустриализации Тюменского Севера // Человек в условиях интенсивного нефтегазового освоения Севера: Материалы Всерос. науч. конф. Тюмень: ТюмГНГУ, 2010. С. 14–25.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Повседневность Тюменского Севера в 1960–1980-е годы // Горные ведомости. 2011. № 1 (80). С. 84–96.

Карпов В.П., Гаврилова Н.Ю. Культурное строительство на Тюменском нефтегазовом Севере в 1960–80-е годы // Культура и антикультура: Определения и ценности. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 149–160.

Клюева В.П. Не женское это дело или работа на равных? Нарративы геологов о работе в поле // УИВ. 2023. № 1 (78). С. 133–141.

Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: Экономическое и социальное развитие (1960–2000-е гг.). Тюмень: Вектор Бук, 2010. 258 с.

Комгорт М.В. Нефть была нужна. Бог с ними, с людьми...: (Начало нефтяной истории Тюмени в свидетельствах современников) // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв.: Сб. науч. статей Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 2015. С. 354–361.

Комгорт М.В. Тюменская геология до эпохи «великих геологических открытий». Тюмень: ТИУ, 2019. 172 с.

Орлов Г.П. Свободное время и личность. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1983. 176 с.

Плаггенборг Шт. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма / Пер. с нем. И. Карташевой. СПб.: Журнал «Нева», 2000. 416 с.

Рейд С. Как обживались в позднесоветской модерности // После Сталина: Позднесоветская субъективность (1953–1985) / Под ред. А. Пинского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 352–397.

Соколов Э.В. Свободное время и культура досуга. Л.: Лениздат, 1977. 207 с.

Стась И.Н. Формирующееся социокультурное пространство городов нефтяников Западной Сибири (1960-е гг.) // Повседневность в российской провинции XIX–XX вв.: Материалы Всерос. науч. конф. Пермь, 2013. Ч. 2. С. 171–178.

Стась И.Н. Антропология урбанизации Ханты-Мансийского округа в 1960-х гг.: Социокультурное пространство городов // Вестник Сургут. гос. ун-та. 2015а. № 4 (10). С. 68–74.

Стась И.Н. Социокультурная антропология городов Югры: Опыт современной историографии // Вестник угроведения. 2015б. № 3 (22). С. 77–89.

Сурова Е.Э., Бутонова Н.В. Досуговые практики в пространстве повседневности // Вестник СПбГУ. Сер. 6, Философия. Культурология. № 2. 2014. С. 53–60.

Ташлыкова М.В. Развитие материально-технической базы учреждений культуры г. Сургута (1965–1985) // Очерки истории Сургута. Сургут, 2002. С. 174–193.

Ташлыкова М.В. Строительство объектов культурного назначения в Ханты-Мансийском автономном округе в 1965–1991 гг. // Сибирские строители: события и судьбы: Сб. статей Всерос. науч. конф. Сургут, 2017. С. 286–300.

Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: Город / Пер. с англ. Л.Ю. Пантина. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2008. 336 с.

Hoffmann D.L. Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 2003. P. XVI, 248.

Moskoff W. Labour and leisure in the Soviet Union. Macmillan, 1984. 225 p.

Oberländer A. Cushy Work, Backbreaking Leisure: Late Soviet Work Ethics Reconsidered // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2017. № 3. Vol. 18. P. 569–590.

ИСТОЧНИКИ

Государственный архив Новосибирской области — ГАО. Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 568; Ф. Р-1470. Оп. 1. Д. 793.

Грошева Е. Пржедвременная экспедиция // Югра. 1992а. № 4. С. 57–62.

Грошева Е. Пржедвременная экспедиция // Югра. 1992б. № 6. С. 50–56.

Грошева Е. Березово — пуп земли // Югра. 1993а. № 8. С. 36–41.

Грошева Е. Березово — пуп земли // Югра. 1993б. № 10. С. 42–46.

Rashevsky V.V.

Surgut Museum of Local Lore, 30 Let Pobedy st., 21/2, Surgut, 628418, Russian Federation

Tyumen State University, Volodarskogo st., 6, Tyumen, 625003, Russian Federation

E-mail: vasily_bfmv87@mail.ru

Leisure practices of geological explorers of Western Siberia based on the narratives of pioneers (1950s–1960s)

In this paper, the main leisure activities of the geologists, identified by the author on the basis of collected interviews with those involved at the initial stage of geological explorations in Tyumen Oblast during the 1950s–1960s, are presented. The organisation of the leisure activities, as well as the complex development of the social and domestic sphere amongst the geological prospectors, in one of the perspective regions in terms of the availability of hydrocarbons, was not amongst the priorities of the state at the dawn of the oil exploration and was a prerogative of the geological community. The trade unions of geologists, who were overseeing social matters, including leisure activities, due to low funding and a lack of adequate personnel and material-and-technical potential did not always successfully cope with the tasks set. The leveling of the shortcomings in this development was imposed on the initiative of the oil prospectors themselves, who were interested in improving conditions of their stay at the work sites. It is noted that the initiatives of the geologists expanded the possibilities of organized forms of leisure activities both at stationary places of residence and 'in the field'. The variability of leisure activities at the locations of geological parties, including residential places, was significantly higher than in the places of work — 'in the field'. However, even in conditions of remoteness from the centres of 'culture', oil prospectors carried out improvement of the quality and diversity of their leisure time on their own. The demand for and variability of the leisure practices were taking place in line with the 'concept of culture', depended on the degree of qualification and level of education of the specialists, personal development and attitude of the employees, and their environment. The implementation of leisure practices was necessitated by the need for compensating limited opportunities of the socio-cultural environment against the background of the dominance of the strenuous daily work, as well as the confrontation in the archaisation of the daily routine due to the prevalence of the deviant forms of behaviour. Many changes emanating from the oil prospectors and taking place in the socio-cultural sphere later took root and became an asset of the local population. The initiative of the geologists made it possible to expand and diversify leisure practices under the lack of opportunities and financial support of the social sphere, which facilitated positive changes in the daily life of the geologists themselves and population of the places where the oil prospectors were staying.

Keywords: geologists, oil explorers, leisure, social practices, anthropology of professions, field work, biographical narratives.

REFERENCES

Bolotova, A.A. (2006). The state, geologists and colonization of nature in the USSR. *Neprikosnovenny zapas: Debaty o kul'ture I politike*, (46), 68–84. (Rus.).

Brekhuntsov, A.M., Bitukov, V.N. (Eds.) (2018). *70 years of Tyumen geology: Serving the Fatherland: In 2 vol. Vol. 1*. Tyumen': Sibirskiy nauch.-analit. tsentr. (Rus.).

Fitspatrik, SH. (2008). *Everyday Stalinism. The Social History of Soviet Russia in the 30s: The City*. Trans. from English by L.Y. Pantin. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN. (Rus.).

Gavrilova, N.Yu. (2002). *Social development of oil and gas producing regions of Western Siberia (1964–1985)*. Tyumen': TyumGNGU. (Rus.).

Gavrilova, N.Yu., Lutoshkina, M.G. (2009). Socio-cultural development of oil and gas producing areas of Western Siberia in the 1960s–1980s. In: *Tyumenskaya oblast': Opyt ekonomicheskogo I sotsial'nogo razvitiya: Materialy Vseros. nauchno-praktich. konf., posvyashchennoy 65-letiyu Tyumenskoy oblasti*. Tyumen', 228–235. (Rus.).

Gasparyan, V.G. (2018). "Leisure Society" in the works of J. Dumazedier, M. Kaplan, K. Roberts. *Nauchnyy al'manah*, 49(11-3), 191–194 (Rus.).

Досуговые практики геологоразведчиков Западной Сибири по нарративам первопроходцев...

- Hoffmann, D.L. (2003). *Stalinist Values: The Cultural Norms of Soviet Modernity, 1917–1941*. Ithaca, New York: Cornell University Press.
- Karpov, V.P. (2013a). Leisure everyday life of Tyumen oil workers in the 1960s–1980s. In: *Povsednevnost' v rossiyskoy provintsii XIX–XX vv.: Materialy V Vseros. nauch. konf. Ch. 1*. Perm', 222–230. (Rus.).
- Karpov, V.P. (2013b). Problems of organizing leisure activities of the population in the areas of the West Siberian oil and gas complex. The 1960s–1980s. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 25(4), 234–239. (Rus.).
- Karpov, V.P. (2014). *Anatomy of a feat. Man in the Soviet model of industrialization of the Tyumen North*. Tyumen': TyumNGGU. (Rus.).
- Karpov, V.P., Gavrilova, N.Yu. (2010). From macro to microhistory: Shifting priorities in the study of the industrialization process of the Tyumen North. In: *Chelovek v usloviyah intensivnogo neftegazovogo osvoeniya Severa: Materialy Vserossiyskoj nauchnoj konferencii*. Tyumen': TyumNGGU, 14–25. (Rus.).
- Karpov, V.P., Gavrilova, N.Yu. (2011). Everyday life of the Tyumen North in the 1960s–1980s. *Gornyye vedomosti*, 80(1), 84–96. (Rus.).
- Karpov, V.P., Gavrilova, N.Yu. (2016). Cultural construction in the Tyumen Oil and gas North in the 1960s–80s. In: *Kul'tura I antikul'tura: Opredeleniya i tsennosti*. Tyumen': TIU, 149–160. (Rus.).
- Kliueva, V.P. (2023). Not for Women or Work on an Equal Footing? Geologists' Narratives About Field Works. *Ural'skij istoricheskij vestnik*, 78(1), 133–141. (Rus.).
- Koleva, G.Yu. (2010). West Siberian Oil and Gas Producing Region: Economic and social development (1960–2000s). Tyumen': Vektor Buk. (Rus.).
- Komgort, M.V. (2015). Oilwasneeded. God be with them, with people...: (The beginning of the oil history of Tyumen in the testimonies of contemporaries). In: *Chelovek v usloviyah modernizacii XVIII–XX vv.: Sb. nauch. statej Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem*. Ekaterinburg: Institut istorii i arheologii UrO RAN, 354–361. (Rus.).
- Komgort, M.V. (2019). *Tyumen geology before the era of "great geological discoveries"*. Tyumen': TIU. (Rus.).
- Moskoff W. (1984). *Labour and leisure in the Soviet Union*. Macmillan.
- Oberländer, A. (2017). Cushy Work, Backbreaking Leisure: Late Soviet Work Ethics Reconsidered. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 18(3), 569–590.
- Orlov, G.P. (1983). *Free time and personality*. Sverdlovsk: Sred.-Ural. kn. izd-vo. (Rus.).
- Plaggenborg, Sht. (2000). *Revolution and Culture: Cultural Landmarks in the Period between the October Revolution and the Era of Stalinism. Trans. with I. Kartasheva*. St.-Petersburg: Zhurnal «Neva». (Rus.).
- Rejd, S. (2018). How did they settle in the late Soviet modernity. In: Pinskiy A. (Ed.). *Posle Stalina: Pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953–1985)*. St.-Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 352–397. (Rus.).
- Sokolov, E.V. (1977). *Freetime and leisure culture*. Leningrad: Lenizdat. (Rus.).
- Stas', I.N. (2013). The emerging socio-cultural space of the oil industry towns of Western Siberia (1960s). In: *Povsednevnost' v rossiyskoj provincii XIX–XX vv.: Materialy V Vseros. nauch. konf. Ch. 2*. Perm', 171–178. (Rus.).
- Stas', I.N. (2015a). Anthropology of urbanization of Khanty-Mansiysk district in the 1960s: Socio-cultural space of cities. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 10(4), 68–74. (Rus.).
- Stas' I.N. (2015b). Sociocultural Anthropology of Ugra cities: The experience of Modern Historiography. *Vestnik ugrovedeniya*, 3(22), 77–89. (Rus.).
- Surova, E.E., Butonova, N.V. (2014). Leisure practices in the space of everyday life. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo un-ta. Ser. 6, Filosofiya. Kul'turologiya*, (2), 53–60. (Rus.).
- Tashlykova, M.V. (2002). Development of the material and technical base of cultural institutions of Surgut (1965–1985). In: *Ocherki istorii Surguta*. Surgut, 174–193. (Rus.).
- Tashlykova, M.V. (2017). Construction of cultural facilities in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug in 1965–1991. In: *Sibirskie stroiteli: Sobytiya i sud'by: Sbornik statej Vseros. nauchnoj konf.* Surgut, 286–300. (Rus.).
- Volkov, V.V. (1996). The concept of culture, 1935–1938: Soviet civilization and everyday life of Stalin's time. *Sociologicheskij zhurnal*, (1–2). (Rus.). URL: <https://www.journal-socjournal.ru/index.php/socjour/issue/view/12>.
- Zhidchenko, A.V., Ryzhenko, V.G. (2013). *The history of the daily life of the Omsk town of Oil workers in the 1950s and 60s*. Omsk: Amfora. (Rus.).

Рашевский В.В., <https://orcid.org/0000-0003-4839-4662>

Сведения об авторе: Рашевский Василий Викторович, заведующий структурным подразделением, Сургутский краеведческий музей, Сургут; младший научный сотрудник, Тюменский государственный университет, Тюмень

About the author: Rashevskiy Vasily V., Head of Structural Unit, Surgut Museum of Local Lore, Surgut; Junior Researcher, Tyumen State University, Tyumen

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 08.06.2023

Article is published: 15.09.2023